

УДК 392.313 (=512.31)

DOI <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.26.125>

Культ матери в социообразующей системе родства у бурят

Д. А. Николаева

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Рассмотрен культ матери в ключевых социообразующих элементах традиционного общества. Отмечено, что культ матери является важнейшей характеристикой традиционной культуры, задавая систему представлений о мире и месте человека в нем (космос/социум/человек), играя значительную роль наряду с другими факторами во внебиологической адаптации этноса в окружающей среде бытования. Анализ фольклорно-этнографического материала выявляет, что формирование структуры общества (семья, род, родственники), способы освоения окружающей среды (обряды, праздники) и внутреннее его наполнение (родственники, наследственность, терминология) основываются на материнском культе. Он органично репрезентируется в концептуальной модели мира и способствует формированию общества, как его внешней структуры, так и его внутреннего содержания.

Ключевые слова: социообразующая система, культ матери, женское божество, термины родства, родство по матери, наследственность.

Для цитирования: Николаева Д. А. Культ матери в социообразующей системе родства у бурят // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 26. С. 125–133. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.26.125>

Введение

Настоящее исследование посвящено выявлению культа матери в ключевых социообразующих элементах традиционного общества. Анализ фольклорно-этнографического материала показывает, что ключевые основы формирования структуры общества (семья, род), способы освоения окружающей среды бытования (обряды, праздники), внутреннее наполнение (родственники, наследственность), внешнее определение (терминология) основываются на материнском культе. Терминология родства в бурятской культуре привлекала внимание исследователей, которых интересовал в основном сравнительно-сопоставительный анализ у тюрко-монгольских народов, а также генезис и семантика [Балдаев, 1959; Дашиева, 2015]. Впервые обратил внимание, что отдельные термины родства восходят к материнскому роду, С. П. Балдаев [1959].

Реконструкция латентно сохранившихся мифоритуальных представлений о культе матери, через призму терминологии родства в социообразующей системе, сформированной в ранней культуре бурят, позволяет выявить сложные генетические процессы, обусловившие этническое своеобразие бурят.

Культ матери и его социообразующая функция

У бурят сохранились архаические следы материнского культа, которые в совокупности прослеживаются в фольклоре, быте, этикете, а также в обрядах и ритуалах и т. д. Культ матери являлся одним из способов, содействующих достижению слитности разнородных сфер, в том числе он лежит в основе формирования социообразующей системы родства. Например, согласно мифопоэтическим воззрениям, первоначальная семья состояла из праматери и всех восходящих поколений по женской линии. Данное представление отражено в бурятском пантеоне божеств. Так, праматерью всех богов является *Ехэ Бурхан* (Великая Богиня). От солнца она родила добрую *Манзан Гурмэ* (Прародительницу света/жизни), от которой произошли 55 добрых божеств, от месяца – злую *Маяс Хара* (Прародительницу тьмы/болезней), родившую 44 злых божества [Чагдуров, 1993, с. 136, 144]. Благодаря *Эхе-бурхан* появились на земле и первые люди. На стороне заката солнца она создала женское начало, на стороне восхода – мужское. Они встретились, соединились, и родились первые мужчина и женщина [Буряты ... , 2004, с. 263].

Как видим, структура первоначальной семьи, которую С. Г. Фатыхов охарактеризовал как три матери, жившие «там и тогда» [Фатыхов, 2009, с. 27], была образована как интегрированный комплекс матери – прародительницы космического пространства, оказавшего влияние на организацию социальной структуры. Данный момент прослеживается в термине *гарбали* (происхождение от одной матери-прародительницы), который конкретизирует социогоническую функцию матери-прародительницы. Производные от него глаголы *гараха* и *гаргаха* означают соответственно «выходить из/от матери» и «родить». Существует выражение: *нэгэ гарбалитай* (имеют общую мать, общее происхождение). По мнению С. П. Балдаева, этот термин возник в материнском роде [Балдаев, 1959, с. 23]. У западных бурят (булагат), по устному сообщению этнографа С. Б. Болхосоева, бытует сходный по значению термин *турбэли*, также определяющий происхождение от общей матери, соответственно, глагол *турэхэ* значит «родиться». Исследователь выявил в декоративном орнаменте женской одежды бурят Предбайкалья орнитозооморфный образ (крылатый олень), который, выражая живую, созидательную природу, объединяет многие явления и объекты в единое целое. Этим единым целым, всеобщим, в бурятской традиции является Мать-прародительница / Мать-Земля / Мать-зверь / Природа-мать / Мать-Солнце [Болхосоев, 2018, с. 133]. Таким образом, в женской одежде отражена картина мира, обладающая родильным потенциалом.

При переходе материнской семьи в кровнородственную, она включала в себя уже не только праматерь, дочь, детей дочерей, но и мужских потомков. Это можно проследить в сюжетах бурятских эпосов-*улигер*ов. Так, в *улигере* «Молодец *Эрэ Хабтас*» есть две матери: одна – мать богатыря, другая – его суженая (жена), затем мать его детей. Как пишет Е. Н. Кузьмина, «...таким образом, складывается семья: бабушка – глава семьи, ее сын, невестка и

внуки» [Кузьмина, 1980, с. 75]. Мы обращаем внимание, что мужские потомки, создавая свои семьи, все еще принадлежали семьям своих матерей.

Социообразующее начало, основанное материнским культом, прослеживается и в структуре традиционного общества. Так, у бурят каждый род распадался на отдельные *уруки/ураки*. Этот термин означает родство в целом по материнской линии. Его представители – кровные родственники до 7–8-го поколения. Интересно, что дети в этом роду называли всех мужчин *баабай* (отец), а женщин – *ибиш* (мать), а для их различия использовали особые приметы, например *ута баабай* «высокий отец», *будуун ибиш* «толстая мама». К сказанному можно добавить, что с культом матери связано также возникновение некоторых бурятских родов. Например, согласно мифам, дочь лебедицы прекрасная Хангин попала под дождь с градом и забеременела. А потом от ее сына, рожденного от градины, пошел род *хангин*. Дева-лебедь родила 11 сыновей – основателей 11 хоринских родов (*галзууд, харгана, хуасай, хубдууд, баганай, шарайт, бодонгууд, гушад, саган, хуудай и халбин*). У бурят Предбайкалья это мальчик *Шарайт* и девочка *Хангина*. Потомки *Шарайта* живут в Нукутском аймаке, а *Хангины* – в Аларском Иркутской области [Небесная ... , 1992, с. 164, 171].

Со временем, когда в обществе распространились патрилокальные отношения, у бурят в терминах родства сформировалось строгое разграничение родственников по отцовской и материнской линиям. Можно выделить более 40 слов, определяющих кровное родство. Так, брата матери называли *нагаса/нагаца*, а брата отца – *аба*. Эти термины были определяющими при установлении родственников: материнская сторона *нагаса тала*. У разных локальных групп бурят их называют *булэ, булэнсэр, даяала*. Соответственно отцовская сторона *абага тала – уеэл, хаяала, холонсор*. Также по-разному называют внуков и правнуков от сына и дочери. Детей сына называют *аша хубуун* (мальчик отца), *аша басаган* (девочка отца), правнуков *гуша*. Дети дочери носят название *зээ хубуун* (мальчик мамы), *зээ басаган* (девочка мамы), правнуки *зээнсэр хубуун, зээнсэр басаган*.

Следует отметить, что материнский культ можно выявить и в структуре семейно-брачных отношений, а именно в сохранившемся у бурят авункулате. Как институт он находит свое объяснение, как в материнском роде, так и в организации общества на началах материнства. Исследователи, анализируя такой брак, полагали, что кросскузенный брак, когда сын брата женился на дочери сестры или наоборот, был наиболее ранней формой брака у предков бурят и представлял разновидность группового брака. Они обратили внимание на то, что в классификационной системе родства отсутствуют слова для обозначения таких понятий, как «муж», «жена», «сын», «дочь» и т. д. [Обряды ... , 2002, с. 121].

Действительно, до половины XIX в. брак у бурят был строго экзогамный. Согласно этому племянник мог жениться только на дочери брата своей матери. Она считалась женой по праву рождения. Молодые люди не могли жениться на девушках из своего (отцовского) рода. Они брали невест только из брачующегося материнского рода. В традиционной культуре бурят такой

бра́к считался идеальным, и как ортодоксальным им весьма дорожили [Балдаев, 1959, с. 9, 12].

Кроме того, в бурятской культуре существуют следы первичности материнского культа в организации обрядового поклонения и его обозначения. Во-первых, мы обращаем внимание на исследование Н. Б. Дашиевой бурятских календарных праздников *тайлганов* в языках тюрко-монгольских народов. Она пришла к выводу, что первоначальным значением *тай* было понятие «мать, божество», связанное с представлением о женщине-матери – символе плодородия, происхождения, наследственности. Исследователь полагает, что название праздников генетически восходит к тому времени, когда родственники по материнской линии совершали поклонение своим родовым божествам – покровительницам семьи и рода, способствующим размножению, хранительницам потомства и их благополучия в повседневной жизни [Дашиева, 2015, с. 67, 69].

Таким образом, социообразующее начало в контексте терминологии родства по материнской линии прослеживается в календарных обрядах жертвоприношения *тайлганах* в честь плодородия и родовых божеств, где термин *тай* относился к женскому родовому божеству. Позже, при отцовском строе, он стал обозначать всю родню по линии жены. Н. Б. Дашиева пишет: «В системе родства у западных бурят всех мужчин-родственников жены по матери называют *тай хадамууд*, а женщин – *тай хадам изыгнуд*. Буряты Тункинского района дедов и братьев своей жены по материнской линии называют *тайбааба* или *таабай* – словом, сокращенным от двух терминов *тай+баабай*. В терминах по женской линии *баабай* (отец), *изыгы* (мать), *хадам* (родня) присутствует слово *тай*. Действительно, корень *тай* в древнетюркском словаре зафиксирован в значении: 1) дядя по матери, дед по матери, тетка по матери, теткин муж; 2) жеребенок, молодой конь, жеребенок по второй весне; 3) жертвовать, приносить жертву; принести животное в жертву» [Дашиева, 2015, с. 57]. У монгольских народов *тайлга* значит «приносить жертву», «совершать жертвоприношение», «читать».

Социообразующее начало, связанное с материнским культом, можно выявить и в цикле свадебных обрядов *хаал хургэхэ* (доставлять/посылать/проводить жениха/зятя), сохранившемся у западных бурят. Обряд начинался в доме невесты, когда жених приезжал к невесте с отцом и родственниками, пригонял условленное количество скота в уплату калыма, привозил вино, мясо и разные подарки для невесты и ее родственников. По мнению Г. Р. Галдановой, матрилокальность данного цикла брачных обрядов подтверждается тем, что первоначально «замуж» выдавали сыновей, а не дочерей [Галданова, 1986, с. 135]. В более ранние времена жених должен был переехать к родителям невесты и «весь цикл свадебных ритуалов был направлен на приобщение племянника *зээ* к роду *нагасанар*» [Обряды ... , 2002, с. 121]. Мы согласны с мнением К. Д. Басаевой, которая полагает, что сущность обряда *хаал хургэхэ* включает более глубокий смысл: умиловление родовых божеств невесты, выкуп ее у сородичей, а также приобщение жениха к роду невесты [Басаева, 1980, с. 67].

Помимо внешней организационной сферы культ матери лежит в основе внутреннего наполнения. Так, в бурятской культуре существует термин, обозначающий понятие «корень, происхождение» – *удха*. Традиционно считается, что это слово означает «происхождение или наследственность от шаманов, шаманок, кузнецов, родовых начальников». Действительно, у бурят существовал институт наследственных шаманов, кузнецов и родовых старост. Люди, не имеющие в своем роду *удха* шаманов, кузнецов, родовых старост, не имели права стать таковыми, за исключением окказиональных случаев. Например, если человек выжил после удара молнией, то считалось, что он как «избранник духов» получил *удха* и мог стать шаманом. Однако С. П. Балдаев выдвигает предположение, что собственно термин *удха* возник в материнском строе, а при патриархальном он стал обозначать не происхождение от материнского рода, а наследование профессии или положения [Балдаев, 1959, с. 25]. Мы согласны с его мнением, поскольку в термине присутствует корень *уд*, связанный со жрицами-*удаганками*, которые в статусе матерей-прародительниц проводили обряды, связанные с огнем и солнцем, для обеспечения благополучия и плодородия в далекую эпоху. Таким образом, данный термин маркировал наследственность членов общества в период культа матерей-прародительниц, выполнявших жреческие посвященные функции.

В традиционной культуре именно с материнским влиянием буряты связывали собственно наследственность, чистоту крови. Так, заветной мечтой каждого буряты было иметь здоровое потомство, поэтому при выборе невестки они в первую очередь обращали внимание на ее физическое здоровье, особенно репродуктивное: «если она была полной, крепкой, то старики радовались, что она “просторна телом, много народит детей” (*уужам бээтэй басаган, олые турэхэ*)» [Линховоин, 1972, с. 53]. За такую невесту выплачивали большой калым. Но большее значение они придавали ее качественной генетике: «не было ли среди предков умалишенных, хронически больных, бездетных, алкоголиков, калек» [Николаева, 2010, с. 5]. Об этом свидетельствуют бурятские пословицы и поговорки: *Суута хайн уухуур, модондо ябалсаха*. *Суута хайн хунээр, худа оролсохо* (Руби дерево острым топором. Бери жену из хорошего рода); *Муу удэтэй уури ооо, холо буу хуу*. *Муу эхэтэй басага, хадамда буу аба* (Не садись в глубине юрты, у которой дверь плоха. Не бери в жены девицу, у которой мать плоха) и т. д.

Следует отметить, что актуальность содержания родства по матери подтверждается бытованием у бурят не только специального термина, но и особого статуса «брат матери» (*нагаца/нагаса*). Многие исследователи бурятской культуры обращали внимание на этот факт. Например, до недавнего времени существовали обычаи, по которым *нагаца/нагаса* должен был оказывать своему племяннику материальную и моральную поддержку и помощь во всех жизненно важных событиях, особенно при женитьбе: обязательно участвовать при сватовстве, принимать или передавать калым и т. д. «Брат по матери должен был своему племяннику дать верхового коня с хорошим седлом и потником... на свадьбу... дядя должен был привести

откормленного коня или быка для угощения гостей, а также поднести невесте приличный подарок» [Балдаев, 1959, с. 10]. О его особом положении свидетельствует то, что на свадьбе *нагаца/нагаса* занимал самое почетное место, первым получал почетные части именного мяса, молоко, водку. Племянник (*зээ/зээнэр*) должен был проявлять к *нагаца/нагаса* всяческое почтение и уважение, даже если дядя был младше его по возрасту.

Дядя по матери должен был принимать самое непосредственное участие и в воспитании своих племянников. Именно *нагаца/нагаса* должен был собственноручно изготовить такие сакральные предметы, как колыбель (жилище новорожденного), смастерить для невесты специальную низкую скамеечку, на которой она должна будет сидеть перед очагом (локус хранительницы домашнего очага) и пр. О его охранительной функции говорит бурятская поговорка: *Зээ хун ноён, нагаса хун нохой* (Племянник – начальник, дядя по матери – собака). Это свидетельствует о том, что в архаические времена женщина искала покровительства и защиты у своих братьев, а не у мужа: «Он (брат матери) выполнял и охранные, и наставнические функции. Брат матери-прародительницы не мог безответственно оставлять беззащитных членов рода, как это делал половой партнер матери» [Фатыхов, 2009, с. 63]. Кроме того, вероятно, сравнение *нагаца/нагаса* с собакой может свидетельствовать о древних тотемических предках по материнской линии. Например, в сюжете бурятской сказки дочь морского царя в облике желтой собаки встречает своего будущего мужа. С. Г. Фатыхов, характеризуя структуру материнского рода, пишет: «Если мать-прародительница была в матриархате нравственным и социальным стержнем рода-племени, то ее брат – организационно-силовым стержнем» [Там же].

Мы полагаем, что он выполнял магические функции родового материнского защитника и наделения жизненной субстанцией *сүльдэ*.

Заключение

Таким образом, анализ фольклорно-этнографического материала показал, что культ матери является ключевой основой организации социообразующей системы, ориентированной на космическое пространство и обладающей пронимальной символикой. Это проявляется в формировании структуры общества, а именно, во-первых, бурятских родов, опирающихся на этнокосмогонические воззрения (Лебедь-праматерь); во-вторых, такой социальной ячейки общества, как семья. Согласно мифопоэтическим воззрениям, с *Ехэ Бурхан* (Великая Богиня) связаны как космо-, так и социогонические функции, согласно которым была создана «материнская лестница поколений». Об этом свидетельствуют термины родства *гарбали/турбэли* (происхождение от одной матери-прародительницы) и *урук/урак* (родство по материнской линии).

В-третьих, к социообразующей функции материнского культа относится формирование системы семейно-брачных отношений – сохранившийся у бурят авункулат (брат в жены девушку только из брачующегося материнского рода).

В-четвертых, формирование обрядовой сферы. Так, возникновение календарных обрядов *тайлганов* в честь плодотворения и благополучия архаического общества было связано с женскими родовыми божествами и циклом свадебных обрядов *наал хургэхэ*, когда жених ритуально приобщался к роду невесты, умиловывая ее родовых божеств.

Таким образом, материнский культ являлся основой сакрального осмысления окружающей действительности и жизни общества. Это нашло отражение и в женской одежде и украшениях. Как видим, помимо организационной функции культ матери повлиял на внутреннее содержание социума. Данный момент подтверждается особым статусом *нагаца/нагаса* (брат матери), который, являясь «организационно-силовым стержнем» в материнской семье, выполнял функции магической защиты детей своей сестры, наделяя их сакральными свойствами, связанными именно с материнским плодотворяющим свойством и жизненной субстанцией *сүлдэ*.

С материнским культом связана внутренняя характеристика общества, также ориентированная на благополучное жизнеобеспечение и воспроизводство рода. Так, в традиционной бурятской культуре само понятие «наследственность» (*удха*) было связано с культом матери, когда жрицы-*удаганки* проводили обряды поклонения огню и солнцу для обеспечения благополучия и плодородия своим членам общества. Хотя со временем он стал маркировать социально-профессиональную принадлежность наиболее сакральных членов: шаманов, кузнецов, родовых старост, тем не менее генетическое наследие у бурят было ориентировано на женщину.

Как видим, материнский культ является ключевой основой в формировании жизненно важных элементов общества: его внешних структур, лингвистического определения и внутреннего наполнения. Все это говорит о неоднозначности генетических и культурных процессов, в свете которых расширяются наши представления об историческом этнокультурном наследии общества, что играет определенную роль как в истории бурят, так и в сохранении памяти об их самобытной культуре, уходящей в последние десятилетия в прошлое. Кроме того, это дает возможность глубже ставить и решать проблемы, связанные с гендерным исследованием семейных и общественных положений.

Список литературы

- Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 180 с.
 Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. Новосибирск : Наука, 1980. 224 с.
 Болхосоев С. Б. Зооморфный образ Матери-прародительницы в декоративном орнаменте традиционной женской одежды бурят Предбайкалья // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 23. С. 124–139.
 Буряты / отв. ред.: Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М. : Наука, 2004. 633 с.
 Галданова Г. Р. Структура традиционной бурятской свадьбы // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск : Наука СО, 1986. С. 131–159.
 Дашиева Н. Б. Календарь в традиционной культуре бурят: опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования. М. : Наука, Вост. лит., 2015. 239 с.

Кузьмина Е. Н. Женские образы в героическом эпосе бурятского народа. Новосибирск : Наука, 1980. 160 с.

Линховоин Л. Заметки о дореволюционном быте Агинских бурят. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. 102 с.

Небесная дева-лебедь / сост., запись И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 368 с.

Николаева Д. А. Мифологические представления о материнстве в традиционной культуре бурят // Религиоведение. 2010. № 2. С. 3–15.

Обряды в традиционной культуре бурят / отв. ред. Т. Д. Скрынникова. М. : Вост. лит., 2002. 222 с.

Фатыхов С. Г. Межпоколенная связь в доистории человека // Вопросы культурологии. 2009. № 8. С. 26–29.

Чагдуров С. Ш. Поэтика Гэсэриады. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1993. 368 с.

Mother's Cult in the Social-Forming System of Kinship among the Buryats

D. A. Nikolaeva

East Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. Analysis of kinship terminology in the system of social-forming elements among the Buryats (such as genus, family, relatives, and heredity) revealed traces of the archaic Mother's cult. The cult of the mother influenced the formation of the structure of society. Its relevance is confirmed by the developed system of kinship terminology including the different terms, which define: 1) the relationship of the Buryat tribes according to maternal lines, when the children call all women «mother» and all men «father»; 2) kinship through a common mother, when the female and male descendants belonged to the families of their mothers; 3) names of several Buryat tribes from their progenitor; 4) succession law on the status of a person, when the mother-progenitor performed the priestly functions associated with fire and sun. With the spread of patrilocal relations among Buryats, the kinship terminology is strictly divided according to paternal and maternal lines. In the kinship terms according to male lines mainly such concepts are indicated as “father”, “father's children”, “father's grandchildren”, “father's relatives”, while in kinship terms according to female line there are indications of their relationship to calendar and wedding ceremonies in honor of fertility and female tribal deities. The cult of the mother also determined the content of the structure of society. The relevance of kinship through mother and importance of maternal right is confirmed by the existence of a special status of “brother by mother”, who performed the functions of the kin's patron. The cross-cousin marriage when the bride was taken only from the maternal parentage also proves the idea about the mother's influence on the formation of man and society. And finally, the concept of genetic heritage was associated with maternal influence. As we can see, the Mother's cult is a key foundation in the formation of vital elements in the Buryat society: its external structures, linguistic definition and internal content. The results of our study indicate the ambiguity of genetic and cultural processes, in the light of which our ideas about the historical and ethno-cultural heritage of society are expanding. This is important both for the history of the Buryats and for preserving the memory of their original culture.

Keywords: Socio-forming system, Mother's cult, female deity, terms of kinship, kinship by the mother, heredity.

For citation: Nikolaeva D. A. Mother's Cult in the Socio-Forming System of Kinship Among the Buryats. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2018, Vol. 26, pp. 125–133. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.26.125> (in Russ.)

References

- Abaeva L. L., Zhukovskaya N. L. (Eds.). *Buryaty [The Buryats]*. Moscow, Nauka Publ., 2004, 633 p. (In Russ.)
- Baldaev S. P. *Buryatskie svadebnye obryady [The Buryat wedding rites]*. Ulan-Ude, Buriat book Publ., 1959, 180 p. (In Russ.)
- Basaeva K. D. *Semiya i brak u buryat [Buryat Family and marriage]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, 249 p. (In Russ.)
- Bolkhosoev S. B. Zoomorfnyi obraz Materi-praroditel'nitsy v dekorativnom ornamente traditsionnoi zhenskoi odezhdy buryat Predbaikaliya [Zoomorphic Image of the Mother-Progenitor in the Decorative Ornamentation of Traditional Woman Clothing of the Cis-Baikal Buryats]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarsrvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series]*. 2018, Vol. 23, pp. 124–139. (In Russ.)
- Chagdurov S. Sh. *Poetika Geseriady [Poetics of Geseriada]*. Irkutsk, ISU Publ., 1993, 368 p. (In Russ.)
- Dashieva N. B. *Kalendar v traditsionnoi kulture buryat: opyt istoriko-etnograficheskogo i kulturno-geneticheskogo issledovaniya [Calendar in the traditional culture of the Buryats: the experience of historical and ethnographic and cultural-genetic research]*. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaya literatura Publ., 2015, 239 p. (In Russ.)
- Fatykhov S. G. Mezhpokolennaya svyaz v doistorii cheloveka [The Intergenerational communication in the prehistory of man]. *Voprosy kulturologii [Issues of Culturology]*. 2009, Vol. 8, pp. 26–29 (In Russ.)
- Galdanova G. R. Struktura traditsionnoi buryatskoi svadby [The structure of traditional Buryat wedding]. *Traditsionnaya kultura narodov Tsentralnoi Azii [The Traditional culture of the peoples of Central Asia]*. Novosibirsk, 1986, pp. 131–159. (In Russ.)
- Kuzmina E. N. *Zhenskie obrazy v geroicheskom epose buryatskogo naroda [The women Images in the heroic epic of the Buryat people]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, 160 p. (In Russ.)
- Linkhovoin L. *Zametki o dorevolyutsionnom byte Aginskikh buryat [Notes about pre-revolutionary life of Aginsky Buryat]*. Ulan-Ude, Buriat book Publ., 1972, 102 p. (In Russ.)
- Nikolaeva D. A. Mifologicheskie predstavleniya o materinstve v traditsionnoi kulture buryat [The mythological ideas about motherhood in the traditional culture of Buryat]. *Religiovedenie [Religious Studies]*. 2010, Vol. 2, pp. 3–15. (In Russ.)
- Skrynnikova T. D. (Ed.). *Obryady v traditsionnoi kulture buryat [Rites in the traditional culture of Buryat]*. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaya literatura Publ., 2002, 222 p. (In Russ.)
- Tugutov I. E., Tugutov A. I. *Nebesnaya deva-lebed [The girl-swan of heaven]*. Irkutsk, East Siberian Book Publ., 1992, 368 p. (In Russ.)

Николаева Дарима Анатольевна

доктор исторических наук, профессор,
кафедра этнологии и народной художе-
ственной культуры, Восточно-Сибирский
государственный институт культуры;
Россия, 670031, г. Улан-Удэ,
ул. Терешковой, 1
e-mail: darimn@rambler.ru

Nikolaeva Darima Anatolievna

Doctor of Sciences (History),
Professor, Department of Ethnology and Folk
art Culture, East-Siberian State Institute
of Culture; 1, Tereshkova st., Ulan-Ude,
670031, Russian Federation
e-mail: darimn@rambler.ru